

России и ЮАР будут продолжать обмениваться опытом, учиться на ошибках друг друга, стремиться использовать позитивные примеры преодоления трудностей и нахождения компромиссов. Ведь, как сказал Н. Мандела, «воевать и разрушать очень легко. Настоящие

герои — те, кто устанавливает мир и начинает строить».

М.С. Курбак,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Е.Ю. Сергеев. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ТРАГИЧЕСКИЕ УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА. М.: ИВИ РАН, 2016, 222 с.

В сборнике статей главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, профессора Государственного академического университета гуманитарных наук и Российского государственного гуманитарного университета д.и.н. Е.Ю. Сергеева помещены работы, которые «раскрывают малоизвестные или недостаточно исследованные аспекты истории Великой войны, которые остаются дискуссионными, продолжая вызывать интерес, как специалистов, так и массового читателя» (с. 2).

Сборник открывается обзором историографии Первой мировой войны, характеризующим последние исследования рубежа XX—XXI вв. Акцент сделан на основных тенденциях и ключевых направлениях отечественной и зарубежной историографии. Столетие начала войны, отмечавшееся в 2014 г., предоставило возможность «без гнева и пристрастия» проанализировать степень изученности этого исторического события с позиций современности (с. 5).

Автор напоминает, что американский дипломат и историк Дж. Кеннан подчеркивал, что Первая мировая война явилась «великой коренной катастрофой XX столетия», а видные французские историки Ж.-Б. Дюрозель и Ф. Фюре отмечали, что это событие остается «необъяснимым и загадочным» с точки зрения происхождения, масштабов и деструктивных последствий» (с. 5).

В кратком обзоре новейших тенденций современных исследований историк рассказывает о роли, которую в этом процессе играют национальные и международные организации, например, созданная в 1992 г. Российская ассоциация историков Первой мировой войны (РАИПМВ), председателем которой был Е.Ю. Сергеев. Заметными вехами в истории этой организации стали публикации сборников статей и коллективных монографий, участие ее членов в издании обобщающих трудов в 1990—2000-х годов (с. 27).

Теме войны как социально-политического феномена и роли России в событиях, вызвавших первый глобальный конфликт в истории человечества, посвящены статьи: «Первая мировая война как феномен социально-политической жизни», «Военное планирование России накануне Великой войны», «Роль Восточного фронта в Первой мировой войне», «Имперский патриотизм и кампания “борьбы с немецким засильем” в 1914—1917 гг.», «Воздействие официальной пропаганды России на нейтральные страны во время Первой мировой войны».

Подводя итоги анализа восприятия войны как социально-политического феномена, Е.Ю. Сергеев указывает, что война «покончила с большинством институтов традиционного общества в передовых государствах Европы, Северной Америки и Азии, открыв “ящик Пандоры” не только на международной арене, но и во внутренней политике» (с. 39—40). И все же события 1914—1918 гг. имели колоссальное значение, потому что война, «разрушив прежние империи и покончив с европоцентричным восприятием мира, явилась значительным шагом в процессе формирования наций и освобождения колониальных территорий от власти метрополий» (с. 40).

Рассматривая проблемы военного планирования России, историк упоминает две «волны реформ», предпринятых после окончания Русско-японской войны, в 1905—1908 и 1909—1912 гг., а также вторую серию преобразований, проведенную в канун войны. Россия, подобно Германии, была окружена потенциальными вражескими государствами. Накануне войны царские стратеги в качестве таковых рассматривали, кроме Германии и Австро-Венгрии, Швецию, Румынию, Османскую империю, Китай и Японию. После того, как Германия отправила в Константинополь миссию генерала Лимана фон Сандерса, российские военные в конце 1913 — начале 1914 гг. подготовили проект десантной

операции 200-тысячного корпуса русских войск на Босфоре и в Трапезунде. Но из-за дороговизны операции и возможных осложнений с союзниками по Антанте, несмотря на положительное отношение к этому проекту Николая II и его министров, она не была проведена (с. 46–47).

Справедливо указывая на факт неожиданного начала боевых действий в Европе, автор пишет, что «не только лучшие генералы России, но и стратеги других европейских государств вряд ли оказались готовы к проведению на суше и на море операций такого стратегического масштаба, какой был характерен для сражений Великой войны» (с. 56).

В книге подчеркивается геостратегическое значение Восточного фронта Первой мировой войны. Кризис и ликвидация этого фронта в ходе мирных переговоров большевиков с Центральными державами, хотя и снизили, но не устранили его значение для Антанты на завершающем этапе войны. Но трансформация образа союзников в сознании военнослужащих действующей армии и всего российского общества в этот период стала прелюдией к последующему восприятию ими западных демократий как постоянных недругов Советской России, граждане которой почти весь «короткий» XX в. продолжали ощущать себя «гарнизонам осажденной крепости» в капиталистическом окружении (с. 84).

Говоря далее о кампании «борьбы с немецким засильем» в 1914–1917 гг., автор приходит к выводу, что германофобия оказала негативное воздействие на экономическую и политическую жизнь России, усилил процессы распада государственного здания империи. Следствием стал отъезд из страны сразу после войны более 120 тыс. этнических немцев, которые играли заметную роль в ключевых сферах экономики, политики и культуры. Кампания «борьбы с немецким засильем» затронула и других «инородцев»: евреев, поляков, цыган. Февральская революция покончила с пониманием российского патриотизма как абсолютной лояльности империи, а большевистская диктатура, установленная в октябре 1917 г., похоронила «неделимость», т.е. унитарность, Российского государства (с. 101).

Под влиянием кампании «борьбы с немецким засильем» произошла радикализация менталитета широких слоев российского общества. Попытки властей преодолеть конфликт идентичностей, превратив имперское государство в более «национальное» за счет этой кампании, способствовали массовым погромам и насилиям в отношении этнических немцев. В 1917 г. репрессии обрушились на «помещиков и капиталистов», а затем

вовлекли в свою орбиту всех несогласных с деятельностью большевистского правительства. Итогом явился духовный кризис России XX в. с присущими ему ксенофобией, преследованиями инакомыслящих и созданием «железного занавеса», который на долгое время изолировал Россию от остального мира.

Анализируя пропагандистские усилия воюющих стран, Е.Ю. Сергеев отмечает, что годы Первой мировой войны стали периодом массового использования пропаганды в политических целях. Российская пропаганда с успехом осуществлялась в государствах Скандинавии, Швейцарии, Нидерландах, а из неевропейских стран — в США, правда, лишь в 1917 г. Об эффективности этой деятельности, осуществляемой в партнерстве с союзниками, свидетельствует, в частности, переход Италии, Греции, Румынии на сторону Антанты, а также сохранение нейтралитета Швецией, Данией, Нидерландами. «Большая часть приемов и методов, апробированных российскими органами политической пропаганды во время войны, составили арсенал большевистских лидеров, сумевших построить в СССР одну из наиболее мощных агитационных машин XX века», — пишет автор (с. 113).

В следующем блоке статей, имагологическом, включающем такие работы, как «Образ России в представлении военно-политической элиты ведущих европейских стран накануне Первой мировой войны» и «Восприятие Великобритании военной элитой России накануне революции 1917 г.», историк приходит к выводу о том, что различная степень продвижения российского и западного обществ по пути модернизации вместе с дифференциацией цивилизационного характера (англо-саксонский, германо-романский и славянский «миры») обусловили «неодинаковое место и роль стереотипов традиционного восприятия и моментов рефлексивного отношения к действительности в представленных системах военной элиты России и ее европейских соседей» (с. 125).

В дальнейших статьях речь идет о военной разведке России в войне 1914–1918 гг.: «Военная разведка России в коалиционной войне 1914–1918 гг.», «Стратегическая разведка России на Балканах в годы Первой мировой войны: достижения и просчеты», «Человек в разведке: морально-психологические особенности фронтовой разведывательной деятельности в годы Первой мировой войны». Историк заключает, что даже серьезные упущения не дают оснований считать военную разведку России «слабой и непрофессиональной», как это делают некоторые зарубежные авторы. Несмотря на преждевременный выход

России из Великой войны, вклад офицеров русской стратегической разведки в конечную победу Антанты «оказался значительным», и сама военно-разведывательная служба, приобретающая богатейший опыт на полях сражений, «заслужила репутацию одной из лучших в мире» (с. 182).

Завершающая монографию статья посвящена «гуманитарным аспектам Версальско-го мирного договора». Участники Парижской конференции столкнулись с отсутствием разработанных юридических норм, определяющих принципы «международной морали». Поэтому оказалось невозможным сформулировать само понятие «преступления против человечества», хотя определенную базу для этого создавали Гаагские конвенции 1899–1907 гг. Тем не менее, Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. стала прорывом в сфере гуманизации международных отношений. Участники заседаний в Версале впервые приняли историческую попытку придать идеям великих гуманистов прошлого статус международно-признанных юридических норм и тем самым заложили основы современного гуманитарного права (с. 221). Именно на этих форумах были поставлены вопросы подлинного обеспечения прав личности, включая гарантии соблюдения интересов военнопленных, адаптации инвалидов к мирной жизни, помощи семьям, пострадавшим от боевых действий. Однако, как показали дальнейшие

события, даже создание международной регулирующей организации — Лиги наций не смогло предотвратить повторение мировой войны в еще больших масштабах (с. 40).

Отмечая бесспорные достоинства сборника, следует указать и на недостатки. Прежде всего, книге не хватает иллюстративного ряда, особенно картографических материалов. Автор не всегда учитывает в своем анализе мнения и концепции, содержащиеся в отечественной и зарубежной историографии, которая в последние два-три года пополнилась многими оригинальными трудами как общего характера, так и по отдельным сюжетам. Наконец, в ряде статей можно было бы ожидать от историка полемики по дискуссионным вопросам, например, о периодизации Великой войны, о вкладе Восточного фронта в победу Антанты, об оценке эффективности российской военной разведки в сравнении со спецслужбами союзников и противников.

Хотелось бы подчеркнуть, что собранные в одном томе и изданные, хотя и небольшим тиражом, статьи Е. Ю. Сергеева, без сомнения, привлекут внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. Творчество Е. Ю. Сергеева отличает профессиональный подход к изучению событий Первой мировой войны.

В. П. Любин,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Р. В. Долгилевич. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН (1965–1969 гг.). СПб: Алетей, 2016, 292 с.

Монография ведущего российского специалиста по западноберлинской проблеме к. и. н. Р. В. Долгилевича продолжила серию публикаций автора, посвященных детальному изучению советской политики в отношении Западного Берлина¹. В изучаемый исторический период несмотря на относительное успокоение ситуации вокруг Западного Берлина и прекращение острого противостояния в этом городе сверхдержав СССР и США, западноберлинский вопрос продолжал оставаться «лакомой бумажкой» взаимоотношений между западными державами и СССР. Книга дает ответ на вопросы о том, какие новые тенденции проявились в 1965–1969 гг. в политике СССР

по отношению к Западному Берлину, как происходила эволюция позиций западных держав и руководства Западного Берлина относительно нормализации положения вокруг города.

Автор продолжил обнародование источников, которые показывают процесс формирования позиции советского руководства относительно Западного Берлина. Сильная сторона книги — введение в научный оборот новых документов по теме исследования из Архива внешней политики РФ.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава «Дипломатия “раннего Брежнева” и Западный Берлин (1965–1966 гг.)» посвящена анализу советской позиции по Западному Берлину в первые годы правления Л. И. Брежнева. Эта позиция сводилась к тезису, что Западный Берлин является самостоятельной политической единицей, не принадлежащей ФРГ. Решительная

¹ Долгилевич Р. В. В тени берлинской стены. СПб, 2011; *его же*. Советская дипломатия и Западный Берлин (1963–1964 гг.). СПб, 2012; *его же*. Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином. СПб, 2013.